

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ ПОСЛОВИЦ В УЧЕБНО-ИГРОВОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Е.И.Рогалёва

INTERPRETATION OF MECHANISMS OF PROVERBIAL PHRASAL FORMATION IN EDUCATIONAL- AND- ENTERTAINING LEXICOGRAPHICAL TEXTS

E.I.Rogaleva

Псковский государственный университет, cambala2007@yandex.ru

В статье затрагиваются проблемы лексикографической интерпретации процессов фразеомообразования на базе пословиц в учебно-игровом лексикографическом тексте. Предлагается использование для этих целей специального коммуникативного хода этимологического парафразирования. Авторская фразеографическая концепция иллюстрируется примерами.

Ключевые слова: учебная фразеография, механизм фразеомообразования, словарная статья

The article discusses the problems of lexicographical interpretation of process of proverbial phrasal formations in educational-and-entertaining texts. A special communicative way of etymological paraphrasing is offered for this purpose. The author's conception is exemplified.

Keywords: training phraseography, mechanism of phrasal formation, dictionary entry

В настоящее время «чрезвычайную актуальность исследований, объединяющихся вокруг понятия «адресат словаря» обуславливает коммуникативная, речевая (метаречевая) природа словаря» [1]. Мы разделяем мнение Ю.И.Леденёва, который подчеркивает, что «именно дискурсивный подход в сочетании с уже сложившимися методами создает новые возможности для практической и теоретической лексикографии...» [2]. Реализация дискурсивного подхода к конструированию словарной статьи, использование коммуникативных ходов в качестве операций этимологизации фразеологизма позволяет автору более конструктивно воздействовать на адресата. В данном случае под коммуникативным ходом мы понимаем «приём, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [3].

При конструировании словарной статьи в рамках дискурсивного подхода мы рассматриваем этимологическую парафразу как речевую тактику интерактивного учебного дискурса, реализующуюся через разработанные нами базовые, вариационные и факкультативные коммуникативные ходы этимологического парафразирования.

В свою очередь, этимологическое парафразирование понимается нами как процесс адекватной адаптации и интерпретации научной этимологической версии в новых дискурсивных условиях с учётом фактора адресата — ребёнка. Поэтому неизбежным становится переход от статичной модели словарного текста (текст как знаковая система, несущая информацию) к динамической модели (текст как фаза свершения понимания): «текст не есть, а текст думает» (Х.Г.Гадамер), что предполагает формирование новых подходов к моделированию визуального ряда, разработку продуктивных методик воздействия на читателя, например, в рамках игровых моделей словарного текста.

Наша концепция конструирования игрового словарного текста опирается на следующие положения:

Игровой характер текста создается за счет зашифрованных в нем загадок и обеспечивает эмоционально-положительный результат восприятия материала: читатель получает удовольствие в процессе дешифровки текста, к которому вполне применимо высказывание Р.Барта: «Текст — это объект-фетиш, и этот фетиш *меня желает*. Направляя на меня невидимые антенны, специально расставляя ловушки (словарный состав произведения, характер его референций, степень занимательности и т.п.), текст тем самым меня избирает...» [4]. Читателя такого текста «активизируют, мистифицируют, вовлекают, дразнят, шельмуют», автор расставляет для него «ловушки», намеренно сообщает информацию, достоверность которой сомнительна, или же что-то утаивает, и тогда реципиент должен «учиться выискивать скрытый смысл по намекам и недомолвкам» [5].

Игровая доминанта служит конститутивным способом развертывания и прочтения текстового нарратива, организует его элементы в определенную игровую систему [6; 7].

Покажем, как этимологическое парафразирование с использованием одного из вариационных коммуникативных ходов (ВКХ), раскрывающих специфику фразеологического образа, позволяет с учётом реализации игрового принципа адекватно интерпретировать имплицирование как процесс идиомообразования на базе пословиц, под которым В.М.Мокиенко понимает «постепенное кодирование исходного образа фразеологизма» [8]. Реализуя данный коммуникативный ход этимологического парафразирования, мы развиваем также идею комплексной репрезентации паремии, представляя весь ее се-

мантический объем и формальные вариации (в данном случае — формально-семантические) в рамках одной словарной статьи [9].

Т.З.Черданцева отмечает, что «если идиомы, как правило, абсурдны, то пословицы <...>, напротив, весьма логичны. Переход пословицы (разумеется, речь идёт только о её части) в идиому приводит к абсурдности, нереальности [10]. В этой связи наибольший интерес для нас представляет такой процесс фразеоморфизма на базе пословиц, как стяжение [11], когда ФЕ образуются из слов, входящих в состав пословицы, но образуют новую синтагму, либо в неё включается компонент пословицы, но создаётся всё равно новая синтагма, так или иначе соотносящаяся семантически со значением пословицы. Примером такого рода могут быть пары: *Не рой другому яму (ямы), сам в неё попадёшь* → *рыть (копать) яму*; *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* → *убить двух зайцев, гнаться за двумя зайцами* и др.

Обозначим данный ход как **ВКХ (постепенного раскодирования исходного образа фразеологизма)**.

Покажем реализацию данного коммуникативного хода на фрагменте этимологической репрезентации фразеологизма *прыгнуть выше головы* в учебно-игровом лексикографическом тексте. Данная словарная статья входит в цикл рассказов, героями которого стали сотрудники детективно-фразеологического агентства «ГАКОС» — служебно-разыскной пёс Гафик, кот-исследователь Кокос и их шофёр попугай Кочан.

<...> *Утро в детективно-фразеологическом агентстве ГАКОС. Служебно-разыскной пёс Гафик крайне удивлен:*

— *Уважаемый Кокос, что это Вы распрыгались с утра пораньше? Здесь же не спортзал, а офис солидного агентства. И к тому же у нас на сегодня много дел.*

Кот-исследователь Кокос: *А я как раз и провожу следственный эксперимент по делу о фразеологизме прыгнуть выше головы. Пока не могу понять, почему это выражение означает «достичь очень высокого результата, совершить что-то почти невозможное, приложив большие усилия». Вот мы, коты, без всяких усилий можем запрыгнуть на высоту, которая в пять раз превышает наш рост. Да и Вы, уважаемый Гафик, легко преодолеваете двухметровые барьеры на занятиях по физподготовке.*

Пёс Гафик: *Коллега, неужели Вы думаете, что происхождение всех фразеологизмов связано с животным миром? Ну да, есть такие выражения: кот наплакал, играть как кошка с мышкой, верный как собака. А фразеологизм прыгнуть выше головы отражает способности человека. И если речь идет о прыжках, то нам лучше обратиться за разъяснениями к тренеру Гантелькину.*

Тренер Гантелькин: *«Выше головы не прыгнешь», — так говорили наши предки и были абсолютно правы. Не случайно это выражение стало пословицей. Попрыгать-то они любили. Например, через костер во время народных гуляний. А вот выше головы — все равно не получилось.*

Только в 20 веке спортсмены научились преодолевать двухметровую высоту благодаря специальным техникам прыжка:

(Рисунки: 1. Спортсмен прыгает перекидным. Подпись: Перекидной прыжок. 2. Спортсмен прыгает спиной. Подпись: Фосбери-флоп, в переводе с английского — «Прыжок Фосбери» (на Олимпиаде в 1968 г. его впервые исполнил американец Дик Фосбери).

Рекорд мира по прыжкам в высоту — 2 м 45 см. А прыгуны с шестом взлетают и на пять, и на шесть метров, окончательно опровергая древнюю поговорку выше головы не прыгнешь.

Не удивительно, что в последнее время пословица употребляется реже. Зато часть ее, уже в утвердительной форме, стала фразеологизмом: прыгнуть выше головы — то есть все-таки совершить что-то почти невозможное, достичь очень высокого результата, приложив большие усилия <...>.

Специфика игровых словарных текстов заключается в том, что игровые манипуляции затрагивают все уровни организации этих текстов. Согласно нашей лексикографической концепции наиболее адекватным способом словарной интерпретации фразеологического образа является установление синсемантических отношений между вербальными и паралингвистическими элементами игрового лексикографического текста, где «вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда, и само изображение выступает в качестве облигаторного (обязательного) элемента текста» [12].

Приведём фрагмент данного игрового словарного текста смешанного типа, где с помощью ВКХ (постепенного раскодирования исходного образа фразеологизма) этимологизируется фразеологизм *без царя в голове*. Здесь в качестве конструктивного лексикографического средства выступает рисунок-перевертыш «Царь — Иван-дурак» с эффектом оптической иллюзии.

<...> (Сначала на рисунке-перевертыше ребенок видит царя):

— *Да царь я, царь! Можешь не сомневаться! Кому же, как не мне рассказывать о нашем фразеологизме? Просто я в свободное от царствования время всякую электронную и бытовую технику ремонтирую. Ведь я в компьютерах, айфонах, автомобильных навигаторах, пылесосах и микроволновках лучше всех разбираюсь. Я в своё время на блюдечках с яблочками, волшебных зеркальцах и клубочках, на ступах Бабы Яги так натренировался, что теперь с закрытыми глазами могу даже подводную лодку собрать.*

Говоришь, что я очень умный? Так на то я и царь. Всё же не зря в старину на Руси люди сопоставляли УМ в голове с самым главным человеком в государстве — ЦАРЁМ! Вот и пословица об этом говорит: Свой ум — царь в голове. Поэтому мне по должности дураком быть не положено. Хотя, постой. Открою тебе один секрет. Я же не сразу царём стал. А кем я до этого был? — Переверни моё изображение и увидишь.

— *Да-да, перед тобой Иван-дурак! Можешь не сомневаться! Кому же, как не мне рассказывать о*

нашем фразеологизме? Ведь если об умном человеке говорили **с царём в голове**, то о глупце, о дураке — **без царя в голове**. Короче, я Иван **Без царя в голове**. Хотя тебе, наверное, известно, что на самом деле не такой уж я и дурак, раз в конце сказки всегда становлюсь царём. ☺

Сейчас я тебе покажу видео: как я стал царём на этот раз <...>.

Таковы некоторые возможности интерпретации процессов фразеомобразования на базе пословиц в учебно-игровом лексикографическом тексте.

1. Каламбет Е.В. Лексикографический текст как объект исследования антропоцентрической лингвистики // III Междунар. Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т. 1. С. 78-80. С. 79.
2. Леденёв Ю.И. Дискурсивный подход к лексикографии непонятных слов // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. Науч. альманах / Под ред. проф. Г.Н.Манаенко. Вып. 6. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2009. С. 34-38. С. 38.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 117.
4. Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 461-517. С. 483.
5. Люксембург А.М. Лабиринт как категория набоковской игровой поэтики // Ростовская электронная газета. 12.04.2003. [Электр. ресурс] URL: http://www.relga.rsu.ru/n22/cult22_2.htm (дата обращения: 30. 12. 2009).
6. Большакова Н.Н. Языковая игра как жанрообусловленный компонент идиостиля Михаила Энде // Язык. Человек. Культура: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Смоленск: СГПУ, 2005. Ч. 2. С. 363-370.
7. Рахимкулова Г.Ф. Олакрез Нарцисса: Проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003. 320 с.
8. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. С. 131.
9. Никитина Т.Г. Проблемы лексикографической репрезентации новых русских паремий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12. С. 158-160. С. 158.
10. Черданцева Т.З. Мотивационный микрокомпонент идиомы и параметр денотации // Фразеогрфия в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 73-80. С. 75-76.
11. Панина Л.С. Формирование фразеологических единиц (ФЕ) на базе русских пословиц // Славяне в этнокультурном пространстве южно-уральского региона: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2012. С. 69—80. С. 79.
12. Валгина Н.С. Понятие креолизованного текста // Теория текста: Учеб. пособие. М.: Логос, 2003; [Электр. ресурс]

URL: <http://evartist.narod.ru/text14/25.htm> (дата обращения: 15.03.2009).

References

1. Kalambet E.V. Leksikograficheskij tekst kak objekt issledovaniya antropocentricheskoy lingvistiki [Lexicographical text as an object of study of anthropocentric linguistics]. III Mezhdunarodnye Bodujenovskie chteniya: I.A.Bodujen de Kurtenje i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo jazykoznanija [The Third Int. Bouduen readings: I.A.Boduen de Courtenay and modern problems of theoretical and applied linguistics]. Kazan, Kazan univers. publ., 2006, vol. 1, p. 79.
2. Ledenjov Ju.I. Diskursivnyj podhod k leksikografii nepolnoznachnyh slov [Discourse approach to lexicography of empty words]. Jazyk. Tekst. Diskurs [Language. Text. Discourse]: interuniversity academic almanac / ed. by G.N. Manaenko. Iss. 6. Stavropol univ. publ. 2009, p. 38
3. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. Moscow, LKI publ., 2008, p. 117.
4. Bartes R. The pleasure of the text. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress publ., 1989, p. 483.
5. Ljuksemburg A.M. Labirint kak kategorija nabokovskoj igrovoj poetiki [The labyrinth as a category of poetics in Nabokov's fiction]. Rostov electronic newspaper. 12.04.2003. Available at: http://www.relga.rsu.ru/n22/cult22_2.htm (accessed: 30. 12. 2009).
6. Bolshakova N.N. Jazykovaja igra kak zhanroobuslovlennyy komponent idiiostiija Mihajelja Jende [Language game as genre-determined component M. Ende's idiostyle]. Jazyk. Chelovek. Kultura [Language. People. Culture]: Proc. Int. conf., in 2 vol. Smolensk, SGPU, 2005, vol. 2, pp. 363-370.
7. Rahimkulova G.F. Olakrez Narcissa: Proza Vladimira Nabokova v zerkale jazykovoj igry [Olakrez Narcissa: Vladimir Nabokov's prose and the language game]. Rostov-on-Don, Rostov univ. Publ., 2003. 320 p.
8. Mokienko V.M. Slavjanskaja frazeologija [The slavic paremiology]. Moscow, Vysshaja shkola publ., 1989, p. 131.
9. Nikitina T.G. Problemy leksikograficheskoi reprezentacii novyh russkikh paremij [Problems of lexicographical representation of new Russian paroemias]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2013, no. 12, p. 158.
10. Cherdanceva T.Z. Motivacionnyj mikrokomponent idiom i parametr denotacii [A motivational microcomponent of idioms and a denotation parameter]. Frazeografija v Mashinnom fonde russkogo jazyka [Phraseography in the computer-aided fund of the Russian language]. Moscow, Nauka, 1990, pp. 75-76.
11. Panina L.S. Formirovanie frazeologicheskikh edinic na baze russkikh poslovic [Idiom formation on the basis of Russian proverbs]. Slavjane v jetnokulturnom prostranstve juzhno-uralskogo regiona [Slavic ethnic and cultural space in the South Urals region]: interreg. conf. proc. Orenburg, OGAU publ., 2012, p. 79.
12. Valgina N.S. Ponjatje kreolizovannogo teksta [The creolized text]. Teorija teksta [The theory of the text]: the study guide. Moscow, Logos, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/25.htm> (accessed: 15.03. 2009).